

ИГОРЬ ИВАНОВ

CENSORED

CENSORED

ОДНА КНИГА

МИКРОРАССКАЗЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

CENSORED

18+

Игорь Иванов

Одна Книга. Микрорассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Иванов И.

Одна Книга. Микрорассказы / И. Иванов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Очень короткие рассказы из жизни реальной и жизни выдуманной, мистика,
сны и фантазии. Содержит нецензурную брань.

© Иванов И., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Револьвер	5
Пряничный домик	8
Жёлтые ботинки	12
Японская девочка	14
Жара	15
Про часы	17
Когда ж ты, сука, перестанешь восставать из могилы?	18
Прикосновение	19
Ангел-Хранитель. Рабочие будни	21
Партизаны подземной Луны. Я, милиционер	24
Кровь в большом городе	28
Душа	32
Чёртов палец	33
Укол	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Револьвер

– Молодой человек! Остановитесь на минуточку.

...

– Иванов. Игорь, – старик лукаво улыбался, впрочем, дружелюбно. – Так?

– Я Вас знаю?

– Вряд ли, – ответил он серьёзно и как-то слишком глубоко заглянул в мои глаза. – Но я знаю, что Вам нужно. Какую вещь в данный момент Вы хотите больше всего. Вот, это Вам.

Старик вынул из-за пазухи и протянул мне завёрнутый в тряпочку предмет. Я взял, развернул. Это был револьвер. Не новый и не старый, незнакомой системы, на Кольт Ломен похож.

– Это что, шутка?

– Все нет, – торопливо ответил старик. – В Ваших мыслях, желаниях в последнее время только и слышно, что «пистолет, пистолет». Так часто, так сильно это желание, что... В общем, берите, что есть.

Я не знаток оружия, но в этом, что у меня в руке, чувствовалась внутренняя сила. Не банальная огневая мощь, а сила живая, затаённая. Старик, меж тем, продолжал:

– Это не обычный револьвер. Из него невозможно промахнуться. Но и просто поугагать, пригрозить им нельзя, если уж достал – обязательно стреляй, иначе он не простит, он не умеет отступать. Хозяину придётся занять место врага.

– Вот так, да? И что же Вы хотите взамен?

– Ничего, и очень многого. Ровно за 24 часа ты должен израсходовать все шесть патронов. И помни, в небо, в землю, в пустую стену он стрелять не станет. Не найдя другую жертву, он выберет тебя.

– Игра, что ли, какая?

– Ну да, со смертью. Четыре часа на выстрел. В среднем, конечно. Врагов-то у тебя хватит?

– Врагов-то хватит, хватило бы времени.

– А если я не успею?

– А ты постарайся, в твоих интересах и выигрыш, и проигрыш.

– Ну, я пойду?

– Иди. Время уже пошло. И не забудь: шесть патронов всего, используй их по назначению. Не забудь: целых шесть патронов, не успеешь – оставшиеся достанутся тебе.

Свят. Свят. Бред. Бред. Бред какой-то, но вот он, в кармане, холодный, тяжёленький, больше килограмма весит. Я шёл, словно пьяный, по щиколотку утопая в чёрно-зеркальном асфальте. Мне нужна машина. Торможу на Кутузовском:

– В Ясенево, командир, сколько?

– А сколько дашь. Садись, я как раз туда... – симпатичный молодой мужик. Блядь! Я ж думал, ты первым будешь.

Молча ехали, угрюмость на меня навалилась.

– Я сейчас на Соловьиный, а тебе куда?

Смотрю на него: где ж вы, такие добрые бомбилы, были, когда метро и аэропорт взрывали? И вспоминаю, были, помогали людям не за деньги с 200% наценкой, не за деньги вообще. И друзья мои среди них были. И плевались в сторону черножопых бессердечных мразей.

– У Ханоя останови, пожалуйста.

Ну вот, и он. Литовский, дом 17. Огромным парусом раскинулся типовой домище.

Подъезд, лифт, квартира, звонок. Лёша открыл. Радостный чего-то. Я было начал:

– Лёш, давай, закроем тему раз и навсегда...

– Закроем, привет! Проходи скорей! – за рукав втянул меня в какой-то сладкий полумрак. Не то чтобы темновато, а словно свечи кругом, как в церкви, такое впечатление.

– Я же говорил тебе, он выдюжит, – захлёбывается Лёха, ничего он мне не говорил.

– Разговаривал с ним сегодня! Врачи обещают, скоро можно домой.

Ах, да! У него же отец в коме семь месяцев провалялся. Выкарабкался, значит. Молодец. Я помню, всегда был крепкий такой старик, размеренный, непоколебимый. Если б не та авария... Но молодец, Фёдорыч, с возвращением тебя.

Алёнка, жена Лёхина чай на стол поставила. Нет, спасибо, правда, не могу:

– Я пойду, Лёш. Тороплюсь очень.

Вышел из подъезда, присел на ступеньки, закурил. Прямо передо мной «Кошкин дом». Его так за то прозвали, что он типа в бабскую общагу превращён. Лимита женского пола его оккупировала. А кто ж в Москве без лимитских корней-то остался, думаю.

Я, например! Да, нет, не смогу. Дикость какая-то.

Взял бутылку пива в ларьке. Универсам, напротив пруд – благодать.

– Слышь мужик? – я выхватил револьвер, рывком обернулся. Бородатое чучело переводит испуганный взгляд с моих глаз на зрачок смертоносной машинки.

– Я мелочишку хотел спросить. Не будет, нет?

Револьвер в руке живёт уже собственной жизнью.

– Ну, нет, так нет...

Выстрел. Клянусь, это он сам. Я не хотел. Но вытащил?

Оттащил труп бедолаги поближе к воде, спрятал в кустах. Ну вот, счёт открыт, пять осталось. Прости меня, дядя.

– Чего ж так п-пугаешь-то? – я несвойственно мне заикаться начал.

– А-а-а, сука-а! – зашвырнул бутылку как можно дальше. Редкое пиво долетит до середины пруда.

Выхожу на дорогу, торможу хорошенький «мерс»:

– На Курский!..... – приехал один и с четырьмя патронами. Сажу на конечной кольцевых троллейбусов, думаю: ни одного врага, ни одного врага, блядь, не достал. Но ты-то, Фейгин, на месте, сука?

Оставил машину в неполюженном месте. А мне по подземному переходу через Земляной вал на ту сторону! О, и жвачку по ходу купил. Пусть хоть изо рта хорошо пахнет, коль от мыслей уж...

Как я люблю эти «сталинские» дома! Тяжёлые двери, высокие потолки, невъебенная величественность в лестницах с перилами.

Домофон:

– Вы к кому?

– Это Иванов Игорь, я к Фейгину Исааку Соломоновичу. Он знает.

– А, помню, – там консьерж такой нормальный весёлый пузатик. – Десятый этаж.

– Да, спасибо.

– Привет, Коль! Соломоныч у себя? – как-то угрюмо сегодня у короля спецодежды охрана выглядит, заметил я.

– Привет. Пойдём, покурим... – отталкивает меня от двери.

– Времени у меня мало очень, проводи лучше, а?

– Нет, пойдём покурим.

– А чё ты траурный такой, Соломоныч что ли умер?

– Да ни хуя, Игорёк, умер ты! – неожиданно.

Неожиданно револьвер оказался в моей руке. Выстрел.

– Коля, – мы с ним в одном классе учились. Всё на последних страницах своих учебных тетрадок супергероев рисовали. Мечтали стать художниками, мультипликаторами. Не

получилось, вот, Лёня Плюха, наш же одноклассник, и на первом канале ТВ поработал художником... Завидую, конечно, белой завистью.

– Коля, блин. – я держу его на руках, – Коля!

Выстрел был, как громовой раскат в этом акустическом доме. Коля, мать твою!

Я уже не знаю, что делать. Сижу в чужой машине с сумасшедшим писто... револьвером в кармане, три патрона. Я и не сразу услышал, что кто-то скребётся ко мне в окно. На самом деле, деликатный стук полосатой палочкой по стеклу.

– Лейтенант Никифоров. Ваши права, пожалуйста.

– На, – а чего всего лишь лейтёха? – Слушай, лейтенант, ты молодой, может, поймёшь меня. Там с правами всё нормально?

– Да, а тех...

– Садись рядом, – я достал револьвер.

Что я этому менту могу обещать? Он обречён, и живёт до тех пор, пока... пока это позволяет моё оружие. Если эту фразу аккуратно вырезать и предоставить суду... Только над этим револьвером я не властен. И убивает он не тех, кого хотел бы я.

Осталось два патрона.

Я домой приволокся, разбитый, уставший, даже на окна не взглянул, что там горит свет. Открыл дверь:

– Ли! Ты же ещё неделю должна...

– Я соскучилась.

– Ли! Я люблю тебя.

– Иди в ванную, я ужин приготовила.

– Я сейчас быстро.

Я принял душ, почистил зубы, этот грёбанный Ломен положил на полочку. Да, достал, не купаться же мне с ним. Я обнимал и целовал Лильку, ужин подождёт, Ломен не намерен был ждать. Он горел страстью и обманутой яростью.

– Как у тебя здесь?

– Ну... – замялся я, а что ответить? – А у тебя-то как?

– Всё хорошо. Полёт нормаль... Это кто?

Я обернулся. Старик.

– Ты забыл в ванной на туалетном столике. Тут ещё целых два патрона, а время истекает.

– Я убил ни в чём не повинных людей. Ни одного врага я не нашёл. Я чуть не сошёл с ума, чуть не стал маньяком...

– Чуть – не считается! Ты принял условия игры? Так и выполняй их! Неужели ты думаешь, что я за тебя буду делать твою работу? Вот, ты его непростительно забыл. Вот, два патрона в нём.

Будь мужчиной. Доведи дело до конца.

P.S.: некоторые имена, географические названия, обстоятельства и проч. могут совпадать с реально существующими.

Пряничный домик

«Гензель и Гретель» (Hensel und Gretel) сказка братьев Гримм в моём вольном пересказе

Ганс Мюллер, по прозвищу Дровосек, разбился-таки на своём мотоцикле. Сколько ни укоряла его жена Лена за почти еженощное безрассудное лихачество – всё было не впрок. Ну и вот опять напились с друзьями пива в баре и помчались тарыхтеть своими байками по ночным улицам Лейпцига.

И осталась Лена вдовой с двумя детьми без денег, без работы, которой никогда и не было, зато с долгами мужа. Не такими уж и большими, но для безработной вдовы с двумя детьми непосильно обременительными. Недолго горевала она о погибшем муже, о несчастливо сложившейся судьбе своей – что горевать бесплодно? Жить-то дальше как-то надо. Продала небогатый дом свой в Ройднице, доставшийся ей в наследство от непутёвого Ганса, продала старенький Фольксваген, слава Богу, долги покрыть хватило. И вернулась с детьми в Россию. Из неприветливой Чужбины в неласковую Родину.

В России в Петербурге из родных ей людей только одна сестра и осталась. Прежние однокурсники по ЛГУ, друзья и знакомые давно уж перестали быть знакомыми и друзьями. «Отчего так?» – поначалу недоумевала Лена. Но вспомнив, что русская душа – это сплошная загадка, недоумевать перестала. Сестра Тамара, хоть и приняла внезапных родственников без особого радушия, но приняла же? В личной жизни у Тамары как-то не сложилось: трижды была замужем, да мужья всё попадались – то больной неизлечимо, то не осмотрительный на стройке, последний и вовсе наркоман. Всех троих и схоронила. И жила теперь трижды вдова одна в трёхкомнатной квартире на Васильевском острове в элитном комплексе «Альба».

Две сестры, две вдовы – родственные души.

– Поживёте у меня, пока сама не устроишься, после сочтёмся, – сказала Лене Тамара.

Та была сестре безгранично благодарна, и с превеликим рвением бросилась на поиски работы. Но дни проходили за днями, недели за неделями, а достойная, ну или хотя бы не позорная, работа для выпускницы ЛГУ с высшим филологическим образованием всё никак не находилась. И вот, наконец, подвернулось что-то. Но нужно было съездить на месяц в Москву на стажировку.

– Да никаких проблем, Ленусь! Ты же знаешь, я – рантье, мне в офис по утрам торопиться не надо. Посижу с твоими отпрысками, обещаю, скучать не будут.

С облегчённым сердцем Лена уехала в Первопрестольную.

На другой день Тамара обратилась к своим племянникам, брату с сестрой:

– Всё хотела спросить у вашей матери, да забывала. Что у вас за имена такие дурацкие – Гензель и Гретель, я даже путаю, кто из вас кто. Вы же немцы только наполовину.

– Так нас папа называл, – ответил брат Гензель. Он был постарше своей сестры и уже знал:

– Гензель – это уменьшительное имя от Йоган, и это я. А полное имя моей сестры Маргарита.

– А ты умник, как я посмотрю, – дети были хорошо воспитанными, и потому скромно промолчали, смиренно опустив глаза.

– Ладно, ступайте пока в детскую... или как там её? Маленькую комнату. Пока.

Дети были хорошо воспитанными и послушно ушли в комнату, в которой добрая тётя предоставила им временное пристанище.

Ближе к вечеру в дверях «детской» появилась Тамара:

– Ну-ка, быстро все на завтрак! Нечего сидеть тут целый день голодными, мне вас как следует откормить надо, – тётя как-то недобро ухмыльнулась.

– Может быть, ужин? – несмело уточнил Гензель.

– Ты меня поучи ещё, малой. Завтрака с обедом пока ведь не было?

На кухне она поставила на стол перед детьми две тарелки с кашей. Это была сухая гречка без сахара, без соли и даже без молока. Брат с сестрой поковырялись в тарелках ложками.

– Тётя Тома (так она велела себя называть), можно мы не будем это есть?

– Отчего это вдруг? Все дети любят гречку, а я люблю детей, фаршированных гречкой, – Тамара громко рассмеялась. – Какие ж вы, немцы, убогие. Даже русских шуток не понимаете.

– Мой дед... Наш с вашей матерью дед прошёл всю ту большую войну и погиб в сорок пятом в Берлине. Я вся в него, тоже не люблю немцев. Ленка, мама ваша, она не такая. Глупая и ветреная. Непутёвая. Если съедите всю эту вкусную и здоровую пищу, которую я приготовила специально для вас (ну, не пиццу же вам заказывать?), получите на ночь по небольшому прянику. Только смотрите, чтобы от сладкого у вас задницы не слиплись, – Тамара опять громко рассмеялась.

В полночь детей разбудила громкая энергичная музыка. Гензель встал с кровати и босиком подошёл к двери. Слегка приоткрыл её и выглянул в щелочку. В коридоре – никого. Музыка доносилась из гостиной. Там дверь была открыта нараспашку, и оттуда выливался яркий свет. Гензель почувствовал на своём затылке лёгкое дыхание и чуть не закричал от неожиданности. Резко обернувшись, он увидел свою сестру.

– Господи! Гретель, нельзя же так пугать. Ты чего подкрадываешься?

– Прости, Гензель. Я не подкрадывалась. Меня тоже разбудил этот шум, что там такое?

– Пойдём, посмотрим. Только тихо! И тапочки надень, но не шлёпай ими по полу.

Стараясь не производить никаких звуков, почти не дыша, они подобрались к открытой двери гостиной. И осторожно заглянули.

Посреди комнаты стоял тренажёр, беговая дорожка. И по его стремительной ленте бежала, ухватившись за похожие на велосипедные рукоятки, очень быстро бежала тётя Тома. Футболка на её спине была насквозь мокрой от пота. Темные волосы на голове слиплись в сальные пакли. Тамара тяжело дышала, но бежала, бежала, не уменьшая скорости. Похоже, она хотела довести себя до полного изнеможения.

– Что она делает? – Испуганно спросила Гретель.

– Поддерживает свою фигуру в хорошей форме. Видишь, какая красивая?

В свои тридцать пять Тамара правда была красивой. Точёная спортивная фигура, длинные ноги, упругая гладкая белая кожа, высокая грудь. Всегда (но не в данный момент) чёрные чистые шелковистые волосы, стрижка Каре.

– Пойдём спать, сказал сестре Гензель, – нехорошо подглядывать.

Следующий день. Шесть часов утра.

– Подъём лежебоки! Это гость чудесный, Ветер поднебесный!

Дети испуганно вскочили со своих кроватей. Тамара. Она была на удивление свежа, после такой-то ночи. В легком спортивном костюме, в кроссовках для бега.

– Постели не заправлять. Все на зарядку, во двор. Ты в трусах, – Тамара указала пальцем на Гензель, – а ты, – теперь на Гретель, – надень вот это, – и бросила девочке детский спортивный костюм.

Во дворе была спортивная площадка с турником, брусьями, кольцами, атлетическим бревном, баскетбольным щитом и другими тренажёрами.

– Будем наращивать мышцы, я сало не ем. – Тамара была в прекрасном настроении. Весёлая и строгая.

Тамара гоняла детей по площадке сорок минут, не давая ни секунды им передышки. Когда вернулись в дом, Тамара скомандовала:

– Душ у меня один, так что – по очереди. Потом привести спальные места в порядок, проветрить комнату, одеться поприличней. Через час завтрак. Сегодня фруктовый салат и фруктовый же сок. Выполнять!

Сидя втроём за столом на кухне, уплетая очень вкусный, но без хлеба салат, Гретель вдруг осмелилась:

– Тётя Тома, а где ваши дети?

Брат толкнул её ногой под столом. Вилка с наколотым на неё кусочком яблока задержалась у самого рта Тамары.

– Их нет. И не было. И, наверное, никогда не будет.

– Как это? – не поняла Гретель.

– А вот так. Бывает и так. И вообще хватит болтать. Когда я ем, я глух и нем. Ну-ка, Гензель, протяни мне свой палец, я хочу посмотреть, жирненький ли ты.

– Что? – Испугался мальчик.

– Похоже, братьев Гримм вы не читали. Вы где учились?

– В муниципальной начальной школе города Ройдниц. Гретель только поступила на первый год обучения, а я заканчиваю четвёртый, и мне уже дали рекомендацию в гимназию.

– Ленка... Мама ваша вернётся, я вас устрою здесь в нормальную русскую гимназию. Но... – Тамара задумалась. – Придётся вас разделить. В гимназиях у нас мальчики и девочки учатся отдельно. Да и разница в возрасте, – тётя хитро прищурилась. – Это не навсегда и не очень надолго. Соскучиться не успеете. А привыкать к отдельной жизни начнём прямо сейчас.

– Маргарита, иди в свою комнату. Теперь это только твоя комната. А ты, Йоган, поживёшь, пока нет мамы (не обращай особого внимания на слово «пока») там, где было её место.

В эту ночь брат с сестрой ночевали в разных комнатах. «Лучше бы нас растерзали дикие звери в лесу, тогда мы хоть вместе бы погибли!» – приснилось Гретель. Тамара всю ночь просидела на берегу, обхватив колени руками, и даже не вытирала горькие слёзы, ручьями стекающие по её щекам. Она вспоминала простой вопрос девочки, который та задала ей за завтраком. И не находила ответа.

И весь следующий день брату и сестре Тамара не позволяла видеться. И хотя для них этот дом вроде бы не был тюрьмой, тётя Тома делала всё, чтобы они никак не пересекались. Гензелю она предоставила компьютерный центр (но только с локальной сетью). Гретель – целую кучу девчоночьих развлечений. А гуляли дети в разных дворах, с противоположных сторон дома. И весь следующий день. И следующий. И следующий.

На день рождения Йогана Тамара испекла пирог и решила прекратить их глупую разлуку. Но не сразу сказать детям об этом. Сделать им сюрприз. Пусть встретятся навсегда за праздничным столом.

– Гретель, ты не поможешь мне на кухне? Я занялась с утра выпечкой и предвкушаю сегодня что-нибудь вкусненькое. Поверь мне, всем достанется.

Девочка не верила своим глазам. Это был не просто пирог, торт, а настоящее произведение искусства. На кухонном столе стоял огромный Пряничный Домик из бисквита, крема и джема. Такой красивый, разноцветный, нарядный, что его жалко было есть. Даже отломить маленький кусочек – уже казалось кошунством.

– Тётя Тома... Это вы?

– Да, сама. Что скажешь, гожусь я ещё на что-то?

– Это сказка...

– Вы, к сожалению, её не читали. Но ещё не поздно, я почитаю вам. Это ещё не всё, попридержи-ка дверцу духовки, я достану, так сказать, последний штрих. Осторожно, здесь всё горячо.

И они подошли к духовому шкафу. Гретель в толстых рукавицах придерживала дверцу, а Тамара нагнулась перед пеклом печи, собираясь достать оттуда последний свой кулинарный шедевр.

Дальше всё на 99% по тексту оригинала сказки

Тут Гретель как толкнёт ведьму, да так, что та очутилась прямо в самой печи. Потом Гретель прикрыла печь железной заслонкой и заперла на задвижку. У-ух, как страшно завывала ведьма! Но Гретель убежала, и проклятая ведьма сгорела дотла.

Бросилась Гретель поскорей к Гензелю, открыла его комнату и крикнула:

– Выходи, Гензель, мы спасены! Старая ведьма в печке сгорела!

Выскочил Гензель из комнаты, словно птица из клетки, когда ей откroют дверку. Как обрадовались они, как кинулись друг другу на шею, как прыгали от радости и целовались! Теперь им нечего уже было бояться, и вот вошли они в ведьмину гостиную и видят – стоят там всюду по углам ларцы с жемчугами и драгоценными камнями.

– Ну, это будет, пожалуй, получше наших камешков, – сказал Гензель и набил ими полные карманы.

А Гретель говорит:

– Мне тоже хочется что-нибудь домой принести, – и насыпала их полный передник.

– А теперь бежим поскорей отсюда, – сказал Гензель, – ведь нам надо выбраться из ведьмино дома.

Вышли они из дома, и подошли к рукаву Невы.

– Не перебраться нам через него, – говорит Гензель, – не видать нигде ни лавочки, ни моста.

– Да и лодочки не видно, – ответила Гретель, – но вон плывёт белая уточка; если я её попрошу, она поможет нам переправиться на другой берег.

И кликнула Гретель уточке:

– Нету мостика нигде,

Ты свези нас по воде!

Подплыла уточка, Гензель сел на неё и позвал сестрицу, чтобы она села вместе с ним.

– Нет, – ответила Гретель, – уточке будет слишком тяжело. Пускай перевезёт она сначала тебя, а потом и меня.

Добрая уточка так и сделала. Они счастливо переправились на другой берег и прошли дальше. А там город показался им совсем знакомым...

Ну, тут и сказке конец.

Жёлтые ботинки

Прошлой ночью мне приснилась маленькая ядерная война.

И я был солдатом. Правда, почему-то, вопреки реальной ВУС (военно-учётной специальности), во сне я служил не в авиации, а в пехоте. Да, собственно, как служил? Был в форме, но без оружия, и точно знаю, что в пехоте. Впрочем, по ситуации, индивидуальное стрелковое оружие и на фиг не нужно было. Мы, несколько бойцов, взвод – не более, были рассредоточены среди суматошной толпы гражданских, мирных соотечественников, бестолково, по-бронзовски, носящихся как бы сразу по всей Москве, которая неотвратимо превращалась в развалины. А кругом – взрывы, взрывы. Что мы, солдаты, делали? Подбирали погибших и раненых. Доставляли их в специальный бункер, госпиталь-морг. Военные санитары, бля.

Главные события происходили в воздухе. В небе то здесь, то там, прямо из ниоткуда появлялись натовские самолёты, тяжёлые, ленивые, похожие на шаттлы, бело-сине-красные гигантские жуки; к ним тут же устремлялись советские шустрые МИГи. Шаттлы-жуки раздражённо огрызались на них смертельными огненными плевками и прицельно прореживали город под собой ракетами с тактическими боеголовками. Ракеты те – сверхмалой мощности. Одна ракета – один дом. Лишь взрывы их внешне заявляли о ядерности: небольшие чёрно-красные грибы с расползающимися недалеко от эпицентра кругами ударных волн.

«Вспышка слева!» пауза «Вспышка справа!» передышка.

Время от времени на землю валились и подбитые-убитые самолёты ВВС и той, и другой стороны. Примерно поровну. И трупов в общей сложности, и с воздуха, и с земли, преимущественно, конечно, с земли, искореженных, поломанных, порванных, обгоревших было много. Но эти хоть молчали. С ранеными было тяжелей: вопили и очень не хотели расставаться с частями своих тел.

Пахло строительной пылью, весной и гарью. Сослуживца моего зацепило осколком разлетевшегося Храма. Не слабо так зацепило: чуть пол башки не снесло. И вот, он лежал, вся рожа в крови, на колючих кирпичках и уцелевшим своим глазом пялился в безоблачное синее-синее небо, где наши и не наши самолёты виртуозно исполняли танец смерти. Я, как мог, перевязал пострадавшего.

– Пойдём, отведу тебя в бункер, – предложил я. «Отведу» – это корпоративная вежливость, на самом деле этого подранка можно было только тащить: плох он был, ох, плох.

– Ты «Бурю в пустыне» помнишь? – ответил он. – Там у натовцев форменные ботинки жёлтые были, прикольные... Всегда хотел такие. Я тут сбитых лётчиков их видел – тоже в ботинках. Жёлтых.

«Э-э, брат» – подумал я – «Тебе, видать, не только глаз, ещё и мозг поцарапало». Но вслух сказал:

– Я тоже видел. Ну и что?

– Недалеко тут шаттл грохнулся, не горел почти, развалился просто. Вот там есть двое, не слишком изуродованные... достань, а?

– Неудачная шутка.

– Не, я серьёзно, – он попытался улыбнуться. – Можешь считать это последней просьбой умирающего.

– Слышь, ты, умирающий, хватит туфту пороть. Идём, пока нас тут не накрыло.

– Да правда, принеси! Тебе жалко, что ли?

Ну и как ему объяснить абсурдность его просьбы? Если он и сам-то, насколько я его знаю, был ходячий, теперь, вот – лежащий абсурд. Попробую соврать во благо:

– Ладно, но сначала давай в госпиталь.

– Ни фиги! – вдруг разозлился он. – Без ботинок я – ни-ку-да! Лучше уж добей меня здесь.

«Дурак какой-то» – я не на шутку испугался:

– На хрена тебе чужие ботинки? Тебе врач нужен, а так ты и в своих сдохнешь.

– Сдохну, – согласился он. – А тебе такую малость... трудно?

Из его единственного глаза выкатилась крупная, как у ребёнка, слеза, прочертила по грязной щеке неровную дорожку. Я вытащил из кармана мятую пачку «21 век», закурил. Вверху, прямо над нами, кружилась ожесточённая схватка: два «шаттла», три МИГа. Наблюдая за ними, я, всё-таки, согласился:

– Глупо всё это, конечно. Ботинки какие-то. Но я тебя понимаю. Приспичит фигня какая-нибудь, у меня тоже бывает. Вроде, казалось бы, ерунда ненужная, а, всё равно, хочу, просто не могу, как. Проявишь силу воли, сам себе откажешь, а потом чувствуешь себя собою же изнасилованным. Обделённым кроме тебя никому не интересной мелочью. Тем более обидно: никому даром не надо, а тебе – надо, но нельзя. Ведь от слабости твоей никакого вреда не будет. Какой вред? – условности всё. Схожу. Ты держись здесь, под ракеты не лезь, я быстро. Стану ради тебя мародером, слышишь?

Он уже не слышал. Умер.

Нашёл я и принёс ему эти чёртовы ботинки. Лучше уж поздно, чем никогда.

Японская девочка

Распорядок дня одной японской девочки

Маиюки встаёт в 6.30 утра, выкуривает двойную порцию гашиша, делает зарядку, умывается, идёт завтракать. Конечно, как и все обычные люди, она тоже посещает туалет (клозет, в смысле), но понятия не имею, когда она это делает, да и не интересно никому. И так, приходит, завтракает. Ах, роллы, суши и прочую псевдояпонскую лабуду оставьте для московских лохов. У Маиюки – только овсянка, без сахара и молока. Пища Богов, дар Восходящего Солнца. Лёгкий косяк на десерт.

Тут бывалые японцы могут спросить меня: что за имя такое дикое – Маиюки? Отвечаю: Любезные-сан, Имя человеку даётся его родителями раз и навсегда, и никакие ЗАГСы, никакие монастыри не вправе, да и не в силах изменить его. Потому: Маиюки, и всё тут. Не задавайте глупых вопросов.

После завтрака она быстро, в дайджест-режиме просматривает 3D-новости (перед едой это делать не рекомендуется). Огорчается слегка миру, летящему в задницу, и радуется технологическому подъёму Японии на недостижимые высоты. Переключает «Джунни» в режим обучения и минут сорок семь посвящает самосовершенствованию.

Потом начинается война. Убаны из ЦРУ никак не могут простить Pearl HarboR летят и взрываются бомбы, у Маиюки остаётся всё меньше и меньше родственников и друзей, ей грустно. Она идёт из школы, и банты на её голове испачканы кровью.

Потом. Потом она плачет. 14.30 – обед. Но Маиюки не хочет есть мясо себе подобных. Её тошнит от рук, речей, НАСТАВЛЕНИЙ бабушек и матерей. Она блюёт ВАШЕЙ правдой. Она чувствует себя плохо, но она знает свой долг. Она – ветер – свободный и летящий в одну сторону.

15.00 Час Дракона. На заднем дворе школы, там, где баскетбольные корзинки, она отхуривает в умат пацана, что два года доставал её мудацкими букетиками и: «Дай, понесу портфель... дай понесу портфель...» Осталась довольной над поверженным. И, главное – СВОБОДНОЙ! Она – ветер, летящий навстречу Солнцу.

Вы, суки, знаете, что такое «Ветер, летящий навстречу Солнцу»? Это билет в один конец. Это – обратной дороги не предусмотрено. Это – открытый путь к Богу. И только к нему, стяжателю душ идиотов. Это победа над самим собой, собственной трусостью, признание или отказ от рабства.

Жара

Мы уже полтора часа торчим на этом странном железнодорожном переезде. Жара, духота, как ни странно, «Беретта» на столе остаётся холодной. Сессиль, моя любимая девушка, лучшая в мире ебанутая француженка, переодевшись в оранжевый жилет, в своей клетчатой рубашке под ним выглядит убийственно сексуальной. Ну, да это всегда так: когда я её вижу у меня всё поднимается. А вижу её я даже во сне.

Андрей нервничает. То входит, то выходит из этой грёбаной будки, оба Калашника с плеча не спускает.

– Положи ты их! Трупы оттащи подальше.

Он плюёт прямо на пол. Некультурный.

– Сто лимонов! Сто лимонов – ты можешь это себе в голову вместить?

– Рублей. Зачем в голову? У нас, вон, пикапчик есть.

Мы ждём инкассаторов. Они не знают, что мы их ждём. Они, блядь, опаздывают.

Сессиль в наушниках слушает какую-то херню из телефона. Меня это раздражает. Выдёргиваю из её головы дурацкие провода, и мы сливаемся в долгом поцелуе. Андрей снова плюётся. Да сколько слюны-то в тебе?

Длинная дорога плавится. Нам будет хорошо их видно – они с горочки – прямо к нам.

Жара. Капельки пота повисают у меня на ресницах. Сессиль смеётся, ей хорошо даже в этой жаре.

Спрашиваю, любя:

– Что ты делаешь в этой стране?

– Не в этой стране я делаю. Мне вообще все страны – по барабану.

Это я научил её идиотским идиомам.

Она говорит на ломаном русском, но мне, как ломанному русскому всё легко понятно. Я люблю её. Она... Она какая-то неземная, что ли. Весёлая.

Как больно солнце жжёт глаза. И вот блеснуло. На далёком холме луч, отражённый от радиаторной решётки, ударил сквозь окно, разлился по стенам, затопил будку. Едут. По местам!

– Андрей, твой банк тебя не забудет.

Сессиль – у кнопки УЗП (Устройства заграждения переезда), мы – по обочинам дороги. Часы на моей руке, суки, так громко начинают тикать, что отвлекают; автомат – такой удобный и послушный, надёжный, как друг.

Почему – как? Почему – как? Тик-так, тик-так, тик-так... Бля...

Они с ходу решили проскочить переезд. Колёса большие, непробиваемые. Что им рельсы? Что им шпалы?

Сессиль, между прочим, кандидат математических наук, даже чего-то там читала у себя в Сорбонне. Тютелька в тютельку поднялись крышки, прямоугольные рамы на шарнирных опорах. Фургон, споткнувшись, кувырнулся через них, скорость обиженно тащила его по асфальту, обдирая краску с бортов и вереща.

Затихло. Поверженный мамонт лежит на боку, мы с Андреем, осторожно подходим. Зачем-то Сессиль выскочила из будки. Смеётся.

Если живые там внутри, вряд ли они откроют, для убедительности мы и притащили пару канистр с бензином. Я стараюсь держать в зоне обзора дверь фургона и Сессиль, бегущую к нам. Она что-то радостно кричит по-французски, я не понимаю. В машине тихо.

– Они живы? – спрашивает Андрей. Я пожимаю плечами. За тонированными бронированными стеклами ничего не видно.

Андрей стучит прикладом по борту фургона.

– Поезд дальше не идёт. Просьба освободить вагоны. – дурачится он.

Подбежала Сессиль, обнимает меня левой рукой, целует. Ствол её пистолета нечаянно мне прямо в живот упёрся, не нажми на курок, любимая.

Фургон молчит.

– Ну, что, будем резать? – Андрей.

– Я принесу, – отвечаю. Автоген у будки. Целую Сессиль, нежно отстраняю и иду.

Иду, блядь! Один шаг, второй... Жара. Мне как-то нехорошо, не физически: мышцы – словно на совесть скрученные жгуты, тело лёгкое и автомат – как спичечный коробок в руке. Но блевать тянет. Не желудком, а мозгом. Что-то не так. Двадцатый шаг, тридцатый... Я их не считаю, в голове включился независимый счётчик. Хлопок. Ещё один сразу. Как в воде, в вязком воздухе я оборачиваюсь. Я не слышал их голосов. Сессиль! Она уронила свой пистолет, держась за живот, медленно, очень медленно оседает. Я даже успел заметить быстро спрятавшийся чёрный кусочек жала в бойнице двери фургона.

– Су-ука-а! – бросив автомат, бегу к любимой.

Боже! Какое огромное пятно на твоей рубашке. У Сессиль слёзы в глазах.

– Больно. Очень больно, – говорит она.

Я оттаскиваю её к задним колёсам, куда подлое жало не дотянется.

– Игорь...

Я целую её, моё лицо становится мокрым от её слёз. Сжимаю её в объятиях, хочу вобрать всю её, маленькую, хрупкую в себя. Как много крови. Боже, как много крови!

– Je ne veux pas mourir...

– Милая, любимая...

– Je suis tres mal...

– Подожди... Подожди секунду...

Я вскакиваю. Чёрт! Где этот чёртов автомат? Андрей в нескольких шагах лежит от нас. Глаза его открыты, а над ними глубокая бордовая клякса. Он смотрит в небо, он всегда теперь будет смотреть туда. Его автомат я беру, весь рожок по фургону. Пули, визжа и искрясь разлетаются во все стороны. Бью прикладом – мне бы танк!

– Сессиль!

– Je voulais te dire que je t'aime.

– Я люблю тебя, Си. Люблю тебя...

Эта мразь, или сколько вас там, не вылезла из фургона. Я принёс обе канистры с бензином, обильно полил монстра, поджёг ублюдков, подобрал свой автомат и сел напротив ждать.

Про часы

Один мальчик нашёл на улице часы. С большим серебристым циферблатом, на чёрном кожаном ремешке, в хорошем рабочем состоянии. А своих часов у него никогда не было. А его друг, у которого тоже не было часов и который ничего не нашёл, сказал ему, что часы надо вернуть тому, кто их потерял. Мальчик посмотрел по сторонам, но на улице уже никого не было, и вернуть находку было некому. А друг сказал ему, чтобы он ни в коем случае не надевал чужие часы на свою руку. А то будет несчастье. И они разошлись по домам.

Только мальчик не поверил своему другу, а часы были такими красивыми, что он не удержался и надел их на руку. И сначала ничего не случилось. И мальчик ходил весь вечер в часах и смотрел, сколько времени. А маме с папой он ничего не сказал потому, что боялся, что они будут ругаться и часы отнимут. А когда настало время ложиться спать, оказалось, что часы с руки никак не снимаются. Ремешок не хотел расстёгиваться, а резать его ножом было жалко. И мальчик опять ничего не сказал маме с папой потому, что боялся, что они заругаются ещё больше. Он просто лёг спать в часах. И сначала ничего не случилось.

А утром, когда мальчик проснулся и захотел посмотреть на часы, он увидел, что часов на руке у него нет, и руки тоже нет. По локоть. Он стал искать в кровати и под кроватью, но ничего не нашёл. И мальчик очень пожалел о том, что не послушался своего друга и надел чужие часы. А маме с папой он опять ничего не сказал потому, что точно знал, что ругаться они уже не будут, а просто убьют его.

Когда ж ты, сука, перестанешь восставать из могилы?

Мы уже в четырнадцатый раз закопали эту -ПИП- яму. Бросили лопаты на траву, и злобно посмотрели друг на друга.

– В конце концов, это – твоя жена, я-то какого -ПИП- здесь всё это время делаю? – Дима устал, я это видел по тому, как дрожала сигарета в его пальцах.

– А я что -ПИП- некрофил, что ли? Да, и ты -ПИП-ПИП-ПИП- не чужой ей всё-таки.

– Свой-Чужой... У тебя штамп в паспорте.

–ПиинииП-

– Как она вообще оттуда выбирается?

– Я -ПИП- знаю.

– Она к тебе приходит, что ты мне-то звонишь постоянно?

– Да это ОНА звонит. Она у меня и телефон и голос -ПИП-

– Так удали меня из -ПИП- этой, как её, записной книжки...

– Давно удалён на -ПИП-, она номер помнит.

– Помнит? Ты её видел?

– Да только что.

– Ну и?

– Ну и -ПИП-

– Может, ещё колышек? Осиновый?

– Да там уже некуда.

– А чеснок? Как в кино?

– Ты -ПИП- сюда суп варить что ли припёрся?

– И на кой -ПИП- ты меня с ней познакомил тогда?

– Я же не знал, что у вас случится любовь до гробовой доски :)

– Да уж -ПИП- любовь земная, и любовь подземная...

– Интересно, мы с тобой в одной камере сидеть будем?

– Мне кажется, мы все ВТРОЁМ вместе в этой яме лежать будем.

– Что-то типа групповухи?

– Что-то типа братской могилы -ПИП-

– А мы же с тобой до всей этой -ПИП- нормальными друзьями были...

– Ну так, она нас, по-моему, ещё больше сблизила.

– А ведь я сначала тебя убить хотел...

– Да я знаю, как и то, что ни -ПИП- ты этого не сможешь.

– Но её же смог.

– Вот, это на -ПИП- ты называешь «смог»?

– -ПИП- его знает, как это получилось. С ней что-то не так.

– Может быть, это с нами что-то не так?

Прикосновение

Камчатка. Мой хозяин Адай, ительмен по национальности. Низкорослый, коренастый, косолапый с тонкими жилистыми цепкими руками. Бегающие раскосые глазки на тёмной безволосой роже. Сволочь конченная. Он очень гордился, что его прямые предки нашего первопроходца-завоевателя Анцыферова сожгли вместе со всем его отрядом триста лет назад. Постоянно кичился этим. Гнида узкоглазая.

Вот и угораздило меня попасть в Залоговое владение («рабство» – чтоб было понятнее) к нему. А-а-а... долгая и неприятная для меня история. Не буду опять вспоминать о предательстве «своих» и жестокости «чужих». Я же про медведя хотел рассказать. Вот несколько общих фактов:

[...] На Камчатке и Аляске обитают самые крупные бурые медведи.

Длина когтей на их лапах может достигать двадцать сантиметров.

Медведи на зимний период впадают в спячку в подготовленных ими берлогах. Устраивают берлоги самостоятельно под упавшими деревьями, натаскивают в берлоги мох и выстилают себе лежанку. Перед тем, как впасть в зимнюю спячку, медведи накапливают себе большой слой жира, при помощи которого они получают питание для организма на весь зимний период. Удивительно то, что спать они могут от трех до шести месяцев. Во время спячки пульс у медведя восемь ударов в минуту. Интересно и то, что за весь период, сколько спят медведи, они не испражняются.

Очень опасен медведь-шатун. Это медведь, который в силу сложившихся обстоятельств не впал в зимнюю спячку. Он не смог уснуть сам, по причине, к примеру, голодного года, когда медведи не накопили достаточное количество подкожного жира.

Второй причиной могут быть нерадивые охотники, которые наткнувшись на берлогу медведя, разбудили его, желая поохотиться. После этого медведь уснуть уже не может и начинает бродить по лесу в поисках пищи, которой зимой очень мало. Нередко встречаются случаи, когда голодные медведи нападали на людей или подходили очень близко к населенным пунктам. Свидание с таким медведем может закончиться плачевно, они могут задрать как человека, так и любую домашнюю скотину, и даже собак.

Судьба у таких медведей, как правило, заканчивается трагически – их уничтожают.

Бурые медведи очень оригинальны в своем поведении и привычках, что несвойственно для других животных. [...]

И вот как-то утром Адай говорит мне:

– Всё, урод, хватит! Либо ты, либо он. Хотя, почему я тебе предоставляю выбор? Вы оба меня так затрахали, что на жену сил не хватает. Ладно, не обижайся, русский ублюдок...

Смотри, какую машинку тебе даю хорошую. 88-ой, классика, у нас все охотники с такими ходят.¹

Без шкуры его не возвращайся. Хотя, лучше не возвращайся вообще. Винт верни только. Я пошёл. Хоть бы поесть дал, сволочь.

В снегах бродил. Замёрз, обессилел. А Он? Что Он? Смеялся надо мной, плутал, измотал меня вусмерть. Стрелял я в него пару раз. Не попал, конечно. Это как с призраком стреляться. Только смех за левым плечом. Но не злой.

Упал я в снег. Не холодно уже. И почти ничего не хочется. Разве, что пить и спать. Я пил снег большими глотками. Я пил сон, вряд ли ещё когда-нибудь такое привидится. Господи, как

---

¹ Winchester 88 – винтовка рычажного принципа действия.

хорошо, и как просто всё оказывается! Нет ни тепла, ни холода, ни добра, ни зла, ни света, ни тьмы. Есть Чистый Абсолют. А меня нет.

Но что-то тёплое шерстяное ко мне прислонилось.

– Это ты?

– Я.

– Я ведь тебя убить хотел.

– Бывает...

Ангел-Хранитель. Рабочие будни

Да и что спрашивать, если я и сам знаю все ответы? Прозрачной тенью звезданувшись на Землю – нимб набекрень, нос – враскравянку. Больно. Больно оттого, что заблудился, потерялся, потерял себя и ничтожно мало вероятности найти. Но учил Отец: «Найти человека не трудно, труднее найти подходящего человека, и уж совсем адские усилия требуется приложить для того, чтобы отвязаться от осточертевших знакомцев». Ну так, то – человека. А я вот, и рубашку белую у себя на груди всю изгваздал красным. На кого я похож? Чучело поднебесное, растерянное бесполое существо. И ничего странного, упал на Землю – и мыслишь земными категориями. Словно из виртуальности в реальность вывалился. Yahoo-енно! Yahoo-ительно! Всё условно, конечно: и цепи, и гравитация...

Вселенская полиция нравов, мать её! Беспределлеры. В смысле, у нравов нет пределов. Сами под себя законов понапридумывали. Сами их с радостными слюнебрызгами блюдут.

Комсомольцы-добровольцы,
О-ло-ло, крутые перцы.

Полубоги и недочерти! Во главе с этой ржавой бестией, лахудрявой Лилит. Идите вы все в Ну-Её-На-Херскую, приведите свои головы в порядок!

Но стоп. STOP! Звонок, кажется? Трель какая-то? STOP=POTS, а это – Plain old telephone service, старые обычные телефонные службы. Таксофон, что рядом, надрывается.

- Аллю?
- Он прогоняет меня!
- Простите, Вы кто?
- Душа.
- Прогоняет откуда?
- Из себя. Из своего тела. Помогите!
- Скажите, что он сейчас делает?
- Он отвергает меня!
- Да, это я понял, милая девушка. Что он делает со своим телом?
- Он перерезал себе вены. Вдоль от запястья до локтя.
- Мудак!.. Научился ведь где-то.
- Что?
- Простите, это я не Вам. Не отлетайте, держитесь, я скоро буду.
- Что ж! Ноги в руки, встаю на крыло. Как там у Иванова?

«Шагнувший через бессмертие,
Не смогу и секунды украсть»

Ну, это мы ещё посмотрим.

- Когда?
- Прямо сейчас.

Затравленная, испуганная, бледная. В самом дальнем уголке сознания. Сидит, тонкими ручками обвив свои острые худые коленки. И только огромные бездонные глазищи с немой мольбой смотрят на меня.

- А что я, Всемогуший, что ли?

Я её спрашиваю:

..... Это... же... ребёнок совсем?

– Десять лет, два месяца, четырнадцать дней...

– Понял.

Я пошёл. ....

Ах, если б мои крылья, как утиные, могли людей, как утят, укрывать от жестокости внешнего мира... Было б весело посмеяться нам вместе над моим корявым языком. Но что-то я замечаю, что чаще вместо нас смеётся кто-то другой. Не с разделённой радостью, даже не с умиротворяющей снисходительностью, вообще недобро.

*Зная ответы, не спрашивая,
Поношенный нимб набекрень —
С неба на землю упавшая,
Прозрачная светлая тень.
Я – Ангел, не больше, не меньше,
Не силы несу, не бессилие.
Существо – ни мужчина, ни женщина —
Из-под лопаток с зачатками крыльев.
Конечно, я здесь – случайный,
Под твердью и на тверди оказавшийся.
Смотрит сквозь небо печально
Когда-то отцом назвавшийся.
Нет миссии, я – не Мессия,
Скрестив за спиною руки,
Отдаюсь равнодушно стихиям,
Я – плод Всевышней борьбы со скукой.
Неужность – в моём пути,
И, как воплощение неверия,
Стою, не решаясь войти,
У каждой закрытой двери я.
И вдруг, невзначай оглянувшись,
Взглядом скользнув по стене,
Во вселенской услышу пустоши
Зов, обращённый ко мне.
Там, где никогда не буду,
Ждёт меня, чуть дыша,
Наивно надеясь на чудо,
Споткнувшаяся душа.
Час от часу всё труднее
Творить по земле добро,
Чтобы добраться быстрее,
Пересяду с авто на метро.
Попробую снова. Сквозь тщетность,
Зная, что не успеть, не попасть,
Шагнувший через бессмертность,
Не смогу и секунды украсть.
Но звон. Неужели вы сами?
На блик голубой посмотри:
Осняя шоссе крестами,
Несётся к беде «ноль-три».
Не ангелы ли в новом свете,*

*Меня в архаику задвигающие,
Те, что в красно-белой карете,
У них и униформа такая же?*
И. Иванов

Партизаны подземной Луны. Я, милиционер

Эпиграф:

Производство высокообогащенного урана для ядерного оружия в России было прекращено в конце 1980-х г.г. Срок службы наполнителя боеголовки: 20-25 лет.

Россия полностью уничтожит высокообогащенный уран из ядерного оружия к 2013 году, сообщил глава Росатома Сергей Кириенко в Люксембурге на международной конференции по предотвращению ядерной катастрофы. По его словам, Россия перевела в топливо для ядерных реакторов более половины высокообогащенного урана.

Кириенко отметил, что Россия уже уничтожила самое большое среди ядерных держав количество делящихся материалов военного назначения. «Россия выделила 500 метрических тонн высокообогащенного урана 90% обогащения, которые подлежат разбавлению до уровня энергетического урана, и более половины этого количества уже уничтожено и переведено в топливо для ядерных реакторов», – сказал Кириенко.

«Безусловно, мы будем реализовывать эту программу до ее завершения, и все 500 тонн к 2013 году будут полностью уничтожены», – указал глава Росатома...

Он же и Эпилог, мать его

Пока русские просроченные ракеты, из тех единиц, которым удалось продрасться через глобальную сеть ПРО, гулками металлическими болванками падали на намеченные когда-то цели, не причиняя им особого вреда при этом, территория самой России расцветала многочисленными букетами ядерных взрывов. Снайперскую точность проявляли НАТО-вские «садовники».

Таким было начало. Начало Конца. Не то чтобы – совсем уж Конца Света. Подыхал старый привычный несправедливый и опостылевший мир, долго уже и так же привычно, катящийся в пропасть. Может быть, можно было бы сказать, что наступил, наконец, Конец Тьмы? Простите за тавтологию.

После столь мощной и успешной артподготовки, началась небывалая по масштабу воздушно-водно-наземная операция. Санкционированная ООН миротворческая миссия по зачистке России. Санитары Планеты в кевларовых доспехах огнём и мечом продолжили сеять демократию по всей Земле, вернее, по той её части, что осталась живой ещё кое-как.

Ну, это всё – лирика.

В целом, государство Российская Федерация очень быстро была разметана по собственным просторам. Как держава общемирового уровня, не смогла дать достойного отпора внешней агрессии. Потому, что внутреннего единства в ней давно уже не было. Кому-то Россия – это берёзки, кому-то – вышки нефтяные, кому-то – это «вот, всё, что вокруг», кому-то – «всё вокруг, что можно к рукам прибрать» ... Да, боже ж ты мой, и всё больше не братской любви, а нечеловеческой ненависти между россиянами. Напрасно русским национальность запретили...

Вот, такая грустная лирика.

Отдельные уцелевшие вооруженные соединения бывшей Российской Армии оказывали на местах яростное сопротивление могучему кулаку НАТО. Яростное – не обязательно победоносное, но упёртое, негибкое. Некоторые командиры проявили преступное самоуправство, отказавшись от непонятной капитуляции, принятой Генштабом.

Кремль пал первым. Он покорно пал бы и раньше, да враги забыли предупредить – когда. Они думали, что он ерепенится серьёзно. А президент, правительство в полном составе, парламент, губернаторы и мэры, все те, кому было что терять, кроме Родины, едва почуяв дым отечества (не с прописной буквы, а реальный дым, чёрный, горький) выскочили на панели с ключами от русских городов на бархатных подушечках. И кричали «освободителям» ура, и

в воздух чепчики кидали. Это, други, политика. Они «спасали» «свой» народ от бессмысленного кровопролития. По главным улицам и проспектам маршировал Новый Мировой Порядок. Конечно же, и органы правопорядка, вся жандармерия, политическая полиция и прочие опричники беспрекословно заняли подобающее им место.

А что же было, то есть народ? В основном, но и не без сволочных исключений, конечно, превратились в партизан. Те из них, что были лучше организованы, располагали налаженной связью между собой, имели более или менее приличное оружие и достаточно боеприпасов, гордо именовали себя «милиция» – Народное ополчение. Немало появилось и независимых патриотических банд.

Я в это время был в Москве.

С приходом новой власти, многие москвичи ушли в подмосковье. В прямом смысле этого слова, вертикально вниз, под город. Москва – как айсберг, знаете ли. Под землёй она гораздо больше, чем на поверхности. Метрополитен – лишь красивая прихожая к этим бесконечным лабиринтам и гигантским пещерам (непонятно, как такая тяжёлая верхняя Москва на сплошных пустотах нижней держится?). Метро, разумеется, больше не работало для гражданских пассажиров, оно стало аванпостом – и для полицаев, и для милиционеров – на разных станциях. И вяло тлеющей линией фронта, не удобной для широкомасштабных боевых действий. И занять целиком всю эту высоту... простите, «нижнету» никто особенно не стремился. Потому, что метро – это быстрая надёжная могила: с его-то тоннелями, да нашими газами.

А вот за стенами тоннелей – совсем другой мир. Конечно, и у полицаев были наёмные диггеры, но этих мы старались уничтожать в первую очередь.

Натовцы под землю не совались, и партизаны совершали регулярные рейды на поверхность.

Я, милиционер.

На этот раз мы выбрались через бомбоубежище подвала жилого дома, вышли в подъезд из служебного дворничьего помещения. Деревянная дверь запиралась снаружи, но и распаивалась тоже наружу. Выбить её ногой не составляло труда. Нас было – два. Их на улице – не сочтённая куча и несколько единиц техники. У нас – мой «Калаш» и у Андрюхи «СВД». У них... говорил уже. Мы поднялись на второй этаж. Андрей пристроился у окна с винтовкой наизготовку:

– Приготовились... Операция «дератизация»!

– Подожди. Посмотрю квартиры.

Нам приходилось быть немного мародёрами. Питьевой воды внизу были почти неисчерпаемые запасы (о «подмосковном море» я расскажу позже, или кто-то другой опередит), с продуктами было сложнее, но их мы добывали, конечно, не из брошенных квартир, а с армейских складов и натовских обозов, как и боеприпасы. Но...

Пустой нежилой с некоторых пор дом. Глухой, какой-то удушливо-пыльный в своём мёртвом дыхании-на-издыхании подъезд. Забавно, что двери многих квартир заперты. Будто хозяева их собирались сюда возвращаться. Искренне верили в недолговечность зла – всего лишь, нужно было пересидеть в убежище. Отсидеться. Искренность = Наивность. Двери деревянные, из хорошего материала, а замки хлипкие и двери отворяются внутрь. Почему в Союзе так проектировали непрактично? Потому, что бояться было некого. Мне одного пинка ногой хватало сокрушить такую «преграду».

Да, вспомнил про двери, открывающиеся внутрь. Это ещё от крестьянской Руси пошло: если зимой избу и людей в ней снегом завалит, дверь хозяева на себя открыть смогут и выкопаться как-то из сугроба-могилы. И лопату на этот случай в прихожей держали. Короче, давняя традиция, просто живучая.

Я остановился перед очередной квартирой и машинально нажал кнопку звонка. Ну, разумеется, электричества не было. А я сам себя спросил:

– Кто?

И сам себе ответил:

– Откройте, милиция!

Тут надо бы дать кое-какие пояснения.

Милиция (от лат. *militia* – военная служба, войско) – нерегулярные отряды вооружённых граждан, формируемые только на время войны, гражданское ополчение.

[...] *Со времени учреждения постоянных армий милицией стали называть особый тип армии, которая формируется только на время войны, и таким образом является разновидностью ополчения. В мирное время кадрового состава для образования милиции или не содержится вовсе, или кадры содержат в очень небольшом количестве. В последнем случае организованная на таких принципах армия называется милиционной армией. Военские части такой армии в мирное время состоят только из учётного аппарата и немногочисленных кадров командного состава. Весь переменный рядовой состав и часть командного состава приписываются к воинским частям, расположенным в районе их места жительства, и отбывают военную службу путём прохождения кратковременных учебных сборов [...]* (это Wiki – они умеют быть лаконичными и понятными).

А то, что у нас до этого называлось «милицией» ... Наполовину плавно перетекло коричневой зловонной жижей в Новые полицаи, им даже форму сменили подстать: на чёрную с кепи вместо фуражек. На улицах. На войне-то теперь в форме разницы между своим и врагом нет вообще, осталось только содержание. Но это главное. Ведь сколько ребят хороших ментовских положили, поломали...

Я никогда не служил в МВД и прочих государственных силовых структурах. У меня что ни на есть самая мирная профессия. Я ветеринар по образованию. В Москве. Лечил собачек, кошечек и хомячков. И платили неплохо, и душа была спокойна (неспокойными бывают только хозяева пациентов, их приходится успокаивать больше, чем самого больного). Вообще, у меня с животными всегда как-то легко взаимопонимание выстраивалось. Будь то питбуль, укушенный бешеной лисицей или аквариумная черепаха, поперхнувшаяся улиткой. Маленькой. А я всегда говорил, что маленьких обижать нельзя.

В прихожей лежали ажурные (скатерки что ли?). Уже запылились, но все вещи аккуратно развешаны, разложены по своим местам. Здесь жила бабушка и, наверное, одна. Я видел много таких квартир. Тут по запаху (как раньше) не определишь. Запах надо всей Москвой теперь один – оккупация. Запах пороха (о да, он долго держится), разрухи, пыли, запустения... Каждый москвич, хоть раз в своей жизни, а и назвал свой любимый город помойкой. Ну, так, нате вам (НАМ!) получите!

Я услышал быстрое и размеренное: «т-дыт» «т-дыт» «т-дыт» «т-дыт» – в акустике подъезда. Рванул обратно. Чуть ли не жопой покотился по ступеням, не догадываясь выглянуть в промежуточное окно. Андрей, не прячась, просто хреначил фигурки, песочного цвета, которые видел в прицеле. Он на колене привстал у окна, и секундою позже зазубастилась очередь БТР-овского пулемёта в ответ, по стенке напротив.

– Вниз! – ору, – Вниз!

Мы скатились на пол-этажа ниже. Пулемёт и вверх и вниз поливал так, что от дворницкой двери ничего не осталось. Щепки и лежали на полу, и летали по всему подъезду.

– Поторопился, Дрюха, убьют нас.

Оглушительный звуковой удар, пыль в глаза и, как будто, весь дом содрогнулся. От парадной (да, приспичило выразиться по-питерски) остался лишь рваный обугленный грот. Ну, мне так показалось и других определений искать было некогда. «Ноги! Андрюха, если жить ещё хочешь – ноги!»

– Ты как?

– Сигареты потерял... – У него кровь из носа. Не время курить, время о здоровье побеспокоиться.

– Голова, блин! Больно...

– Андрей, встать!

– Не слышу, ничего не слышу. Такой шум.

Схватил его за шкуру. Ещё одна пулемётная очередь. Наши ментовские «броники» – как пионерские футболки здесь. Очередь к стволу очень шустрых патронов. Очередь из него бесноватых, умопомрачительно быстро летящих пуль. Насквозь, и спереди, и сзади.

– Андрей! Не надо! Не надо! Не надо! Ты чего это? Я же тебя не донесу. Сам, давай сам. Ну, хоть помоги мне чуть-чуть. Дрюха!

Я тормозил уже мёртвое тело.

«СВД-ушка, милая, пробивает натовские броники. Как я люблю тебя, девочка моя. Всегда со мной, никогда не изменяла. Вот война закончится... А она когда-нибудь закончится, не может же быть она вечной? Человеческих ресурсов не хватит. Война закончится – поженимся».

Когда я побежал, мне стало больно в пояснице, и я потерял сознание. Они стреляли, они попали.

Сначала темнота, потом яркий свет. Хочется пить, но воды не дождёшься.

Меня били, надо мной издевались и спрашивали:

– Ты кто?

Я отвечал:

Я – милиционер.

Кровь в большом городе

Ночь. Луна. По пустынной улице идут двое молодых людей. Один из них лет двадцати трёх, другой немного постарше. Тот, что младше в светлом костюме, другой – в тёмном. Тот, что младше жуёт жвачку, и всё время чему-то улыбается.

– Эй! Сюда подойди, раздаётся из тёмного двора нетрезвый голос. Это компания пьяных подростков. Шесть человек.

Мужчины останавливаются. Старший спрашивает:

– Кто? Он или я?

– Оба идите.

Мужчины неспешно подходят.

– Закурить есть? – спрашивает их лысый детина, сидящий на спинке лавочки.

– Есть, – весело отвечает мужчина в светлом. Достает из кармана пиджака нераспечатанную пачку Lucky Strike и кидает в руки подростку.

– А чё ты лыбишься? Может у тебя и выпить есть?

Мужчина в тёмном обводит взглядом недобро окруживших их крепких парней и отвечает за товарища:

– Есть и выпить, – жестом фокусника из внутреннего кармана достаёт бутылку Jack Daniel's, показывает амбалу на лавочке. Тот удивлён, но нагло протягивает к ней руку. Мужчина слегка подкидывает бутылку, перехватывает за горлышко и с размаху разбивает её о голову зарвавшегося детины. Тот теряет сознание и сваливается за лавочку.

Мужчина в светлом, не дожидаясь нападения, с вертушки ногой отправляет в нокаут ближайшего к нему хулигана. Мужчина в тёмном тем же приёмом расправляется с двумя другими. С оставшимися двумя расправляются так же быстро: одному ломают руку, другому сворачивают шею. После чего находят за лавочкой заводилу, вытаскивают оттуда и хлёсткими пощёчинами приводят в чувство. Мужчина в светлом склоняется над ним, берёт за грудки, без особых усилий приподнимает от земли, чтобы оказаться лицом к лицу с хулиганом.

– Пустить бы тебе кровь, да она у тебя нехорошая. Проспиртована вся. – Верхняя губа мужчины приподнимается в хищном оскале, видны длинные звериные клыки. Мужчина лёгким движением отбрасывает от себя амбала. Тот отлетает метров на шесть в кусты. Или дальше.

– Надо поторапливаться, – говорит один другому. Молодые люди продолжают свой путь. Их костюмы даже не растрепались во время драки.

Пройдя квартал, им посчастливилось остановить машину. Старенькую Toyota. Наклонившись к открытому окну водителя, мужчина в светлом говорит:

– На Северную. Очень быстро.

– Сколько денег даёшь? – С ярко выраженным кавказским акцентом спрашивает водитель. Мужчина с досадой выпрямляется. Сильным рывком распахивает дверцу автомобиля. Выдёргивает из кабины водителя и ускоренно отправляет его к мусорным бакам, стоящим неподалёку. Водитель пролетает несколько метров, быстро перебирая ногами, врежется головой в один из баков. Большой бак от сильного удара падает.

Мужчины садятся в освободившуюся машину. Уезжают.

Путь недолгий. Уже через несколько минут их автомобиль с погашенными фарами подъезжает к тёмному заброшенному высотному зданию. Останавливаются на достаточном расстоянии, чтобы не обнаружить себя. Выходят из машины и скрываются в густой тени деревьев.

Полная луна то скрывается за проплывающими облаками, то выныривает из-за них. Тянутся долгие минуты ожидания.

Наконец, из слепого проёма окна на втором этаже пустующего здания на улицу ловко выпрыгивает чудовище. Это огромный уродливый полуволок-получеловек. Уверенно он идёт

на задних лапах по дороге. Мужчины незаметно устремляются за ним. В руках у них кинжалы с длинными клинками из чистейшего железа.

Ракурс:

Крупным планом оборотень, шагающий по улице, слабо освещённой редкими фонарями. За его плечом виден мужчина в светлом костюме, наступающий свою жертву быстрым беззвучным бегом.

В последний момент оборотень чувствует опасность и оборачивается. Мужчина прыгает ему на грудь и вонзает кинжал в левую ключицу. Оба падают на асфальт. Оборотень, взыв от боли, обхватывает напавшего на него лапами и с силой отбрасывает далеко в сторону. Кинжал остается в руке у мужчины. Его напарник тут же появляется за спиной оборотня. Но тот уже на стороже. Молниеносно развернувшись, с размаху наносит ему удар тяжёлой лапой в голову. Изготавливается к смертельному прыжку, чтобы добить врага. Но и мужчина в светлом уже возвращается к месту схватки. Вонзает свой кинжал оборотню в спину. Ужасный рёвовой разносится по улице. Оборотень разворачивается к первому противнику. Обхватывает его, поднимает и быстро несёт к близстоящему дереву. Одним сильным ударом задней лапы переламывает толстый сук и нанизывает несчастного на острый обломок. Сам, не мешкая, скрывается в тени деревьев. Мужчина в тёмном устремляется было за ним, но останавливается, чтобы оказать помощь товарищу.

Ракурс:

Деловой кабинет, обставленный добротной старинной мебелью. В камине горит огонь. В кабинете трое:

– Красавцы, ничего не скажешь! И Джину упустили, и сами чуть не угробились, человек, возрастом немногим старше среднего, сидя за столом, отчитывает стоявших перед ним Мужчину в светлом и Мужчину в тёмном. – Этого, вон, ещё и на кол насадили. Хорошо хоть не осиновый.

Мужчина в светлом виновато прикрывает пиджаком окровавленную рубашку, оправдывается:

– Мы нанесли ей серьёзные ранения...

– Ей ваши ранения – как слону комариный укус. – сердито перебивает человек, возрастом немногим старше среднего.

Ракурс:

Комната, похожая на больничную палату. На кровати лежит красивая девушка лет двадцати. Её глаза закрыты, похоже, она спит. Одеяло немного приспущено и видно туго перебинтованную грудь и левое плечо.

В комнату заходит молодой человек в белом халате поверх дорогого костюма. Вид у него очень встревоженный. Девушка открывает глаза, слабо улыбается.

– Как ты, Джина? – спрашивает молодой человек.

– Спасибо, Володя, уже лучше. Значит вампиры, всё-таки начали войну? После стольких веков перемирия!

Владимир растерян и раздосадован одновременно:

– Да. И если они хотят войны, они её получают.

Ракурс:

Ночь. Городской парк. По неширокой дорожке идёт бородатый мужчина лет пятидесяти. Его освещает только луна. Фонарей вдоль дорожки нет. Мужчина спокоен, он не ожидает опасности. Неожиданно из-за высокого пышного куста ему навстречу выходит крупный чёрный волк. С виду – обычный волк, только необычно большого размера. Мужчина останавливается, он удивлён и растерян. Волк угрожающе, но беззвучно надвигается на него. Удивление на лице мужчины сменяется испугом, затем страхом, наконец, ужасом. И вот, мужчина с диким воплем бросается прочь. Волк встаёт на задние лапы.

Ракурс:

Утро. Городской парк. Много полицейских. Участок, огороженный жёлтыми лентами. Внутри лежит тело человека без головы. Рядом двое: один в форме офицера полиции, второй в штатском. Полицейский говорит:

– Похоже, что голову ему откусил какой-то крупный зверь. Волк или медведь. Голову, кстати до сих пор не нашли.

– Ты хочешь сказать, что этот зверь откусил ему голову и сожрал её?

– Пока рано утверждать что-то определённое. Кроме одного: ни волки, ни медведи здесь не водятся.

– Сбежал из цирка или зоопарка?

– Тогда и лев может быть, и тигр. Мы работаем над этим.

– Сообщи мне сразу, как будут готовы результаты экспертизы.

Те же персонажи в помещении участка полиции.

Полицейский:

– Голова действительно была откушена. Её так и не нашли. Судя по следам слюны на шее погибшего, откушена волком.

Штатский:

– Ну вот, уже что-то.

Полицейский:

– Но знаешь, что самое интересное? Анализы самого трупа показали, что к моменту, когда он потерял голову, он был уже мёртв. Лет семьдесят, не меньше.

Штатский:

– Как это?

Полицейский:

– Я не знаю. И личность погибшего установить, пока не удалось.

Ракурс:

Офис. Трое уважаемых мужчин работают за компьютерами. Открывается дверь, заходят двое мужчин в длинных серых плащах.

– Добрый день, господа, – говорит один из них.

Сидящие мужчины отрываются от мониторов, недоумённо смотрят на вошедших. Гости достают спрятанные под плащами автоматы и расстреливают всех троих. Выпускают по полному рожку патронов.

На полу остаются лежать три окровавленных волчих трупа. Один вампир говорит другому:

– Корпорация «Лес» – как романтично!

Ракурс:

Тот же офис. Та же обстановка после бойни. Те же полицейский и штатский.

Штатский в крайнем непонимании:

– Ну, как же? Это? Здесь?

Полицейский:

– Это оборотни. А тот, безголовый, похоже, был вампиром.

Штатский:

– Ты это серьёзно?

Полицейский:

– Смотрел «Упыри против ликанов» Захария Уинстона?

Продолжение следует...

Душа

Всё меньше и меньше нравится мне мир реальный. Всё больше и больше склоняюсь к виртуальной жизни. Надоело это осволотившееся, оскотинившееся бытие вокруг. Люди сходят с ума, и не замечают этого, думают, что так оно поступательно и правильно. Не замечают, как растеривают свои души. А я видел: вот, идёт он, Человек, и вдруг у него прямо из живота, сквозь одежду, что-то невесомое, пушистое, белое, эфемерное на грязный асфальт тротуара – плюх! А он не заметил, наступил даже, и дальше идёт, влекомый уже и сам не собой.

– Товарищ... Гражданин... Господин...? Эй!!! У Вас что-то упало.

– Это не моё!

Примечательно, что из всех обращений именно на "Эй!" откликаются быстрее.

– Вы уж позвольте, заберите с моей дороги Это.

– А что это? – он коснулся мыском лакированной туфли... облака на земле?

– Я точно не знаю, от Вас отвалилось...

– Бред какой-то, – презрительный взгляд, как на грязного сумасшедшего.

Он устремился дальше по своим делам, я на корточках присел. Оно дышит, и переливается в пушинках своих розовым и голубым. Облако. Оно просится в руки. Но зачем мне вторая душа? У меня и своя-то – разделённая напополам. Шизофрения. Но – оставить валяться на улице, тоже не вариант, жестоко как-то по отношению к животным. Я достал из кармана ашановский пакет, он семь кило выдерживает, а про душу, я слышал, весит семь грамм. Но по объёму попалась большая, а мять не хочется. И руками прикасаться как-то боязно. Не за себя, за неё, я их, руки свои, после метро не помыл.

А я губами вдул её в пакетик. Да, так смешно. Но получилось. И, похоже, она на дорогах наших совсем не пачкается. Она на дороге, как будто и не лежит. Парит... или нет, не соприкасается с нашим измерением? Тем не менее, вот она, хоть в ладонях, хоть на губах. И поцеловать можно.

Пришли мы домой. Куда ж тебя поселить-то? В клетку или в аквариум?

– В морозилку, – подсказал мне краснорожий демон, живущий под подушкой. – Дольше сохранится.

– Тебя, урод, не спросили!

– Ой-ёй-ёй! Тащит всякую херню домой, да ещё выпендривается.

– Твой, что ли дом?

– А твой, что ли?

– Иди к чёрту...

Встал в позу: руки в боки, губки бантиком, глаза смеются.

– Ладно, Облако, спать будешь со мной...

– Не, ну нормально! А я? – демон возмущается как будто по-настоящему.

Хотя, хрен его знает.

Так или иначе, жить с тех пор мы стали втроем. Этот рогатый ворчит периодически, но у него работа такая.

Чёртов палец

Россия, Иркутская область, Прибайкальский национальный парк. Август, 2016.

Иен, вопреки увещаниям товарищей и случайных попутчиков, отправился к Нему один. Вот так, ранним утром, никому ничего не сказав, оставил в лагере лишние вещи, ушёл. Он уже знал, куда идти... Ну, что ж, он нашёл Его. Чёртов палец.

Дорога к нему не была ни слишком долгой, ни особенно трудной. Основной маршрут к Нему преодолели экспедицией. Оставалось лишь переступить через порог – какие пустяки! Иен переступил, без колебаний: затем и шёл сюда, а до этого от Европы до Урала и дальше, дальше, как у бесов на привязке.

Чёртов палец. Чудная чёрная скала. Каменный столб высотой метров семьдесят, диаметром неровных метра три-четыре. Иен не был альпинистом, он был скалолазом. 70 м – высоко, таких Иен ещё не брал. В чём отличие скалолаза от альпиниста?

Скалолаз поднимается по скале, используя натренированную способность передвигаться по скальному рельефу только с помощью рук и ног. Главной целью скалолаза является преодоление участка скалы по определённому маршруту. Престижным является преодоление сложных маршрутов. Высота трассы может колебаться от 2 м (болдеринг) до 40 м.

Альпинисты поднимаются на высокие, часто заснеженные, горы, используя для страховки и прохождения различных видов рельефа весь технический арсенал: скальные и ледовые крючья, лесенки, закладные элементы, всевозможные технические средства для подъёма и спуска по верёвке и т.д. Кроме того, что альпинист передвигается по скалам, он проходит также снежные и ледовые участки, преодолевает горные реки.

Главная цель альпиниста – восхождение на вершину горы. Высота гор может быть различной: от 500-600 м (Крымские горы) до высочайших вершин земного шара (Эверест 8848 м). Маршруты подъёма тоже могут быть самыми различными – от простых учебно-тренировочных до сложнейших маршрутов экста-класса.

У Иена из снаряжения: только обвязка, каска да мешочек с магнезией.

– Ну, мы с тобой встретились, и я просто так не уйду.

Погода расплескалась просто удивительной. Бездонное синее небо, что твой Байкал... Ну, почти. Не жгучее золото Солнца. Воздух звенит чистотой, как струна на твоей гитаре, просто ухо твоё большего уловить не может. И невыносимая для чужака чистота вокруг, вакуумом схлопывающаяся при внешней экологической агрессии. Не дай Бог, закурю – меня Природа, в самом широком смысле этого слова, Природа, собственно меня, разорвёт меня на части.

Иен щекой припал к скале. Тёплая. Солнце восходит. Подниматься будет жарко.

Магнезию – на хер. Надеюсь, руки скользить не сильно будут. При солнцепёке неизвестно чего от неё надышишься.

– Ну, с Богом. Дашься же ты мне, Чёртов палец.

Иен пошёл наверх. Скалолаз. Не альпинист. В камуфляжных штанах, городских кроссовках, с голым торсом и верёвкой через плечо.

***

– А мудака этот вчерашний нерусский где? Не видел никто?

– Я встал, его уже не было. С вечера всё в пещеры порывался пойти. Он.

– Думаешь, туда?.. Слушай, дай пивка, пьёшь так вкусно.

– Там же метан... Пойдём искать интуриста. Дурак он, России не знает. А с медведем встретится если – вот будет своим про Россию рассказывать. Если будет... Пойдём быстрее дурака искать этого!

***

Верёвка улетела вниз. Твою мать! Куда теперь? Вверх – немного осталось. Блядь! 70 сраных метров. Я не возьму её, что ли? Его. Этот чёртов Чёртов палец?

Иен прилип к скале. Камень предательски крошился под кроссовкой, ну, почти альпинистской туфлей. Ещё чуть-чуть. Совсем немного.

«Я не смогу» – вспыхнуло вдруг в голове. Сейчас я отпущу руку и упаду. Метров тридцать на камни.

«Не тот ты водяной матрас купила, Линда» – завопил вдруг Иен. «В нашу спальню не совсем подходит он»

Ну, как завопил, хрипел еле-еле.

Ещё уступ. Упёрся, подтянулся – ура, сантиметров на 15 повыше.

***

– Тут темно, как у негра в жопе.

– И мокро, как у его жены в...

– Заткнитесь, придурки! Кто этого американца последний видел?

– Ты.

– Что он мне говорил?

– В пещеры собирался.

– Возвращаемся. Опохмелимся, экипируемся, будем искать по-настоящему.

***

Ну и вот она, блядская эта вершина. Сейчас, пару секунд, отдышусь. И мы там.

Из последних сил вскарабкался Иен на вершину Чёртова пальца – плоскую, вылизанную ветрами, словно новогодний каток, поверхность этой причудливой скалы. Упал, распластался.

Не более трёх квадратных метров. Тебя сдует отсюда на фиг, если погода изменится... А вниз – метров семьдесят...

***

– Он же рацию взял. Почему не отвечает?

– А ты уверен, что он её взял?

– Ребята, тут пещеры – пипец. Если ваш мудака туда один полез... Да ещё не местный...

– Да чего ты всё за упокой поёшь? Если так темно, вызывай МЧС-ников. Хрен ли делать?

***

Красивое сибирское утро. Пока все хорошо. Но к полудню, думаю, Ад напомнит о себе. Пытался звонить по мобиле – нет связи. Да это понятно: Тунгусский метеорит и всё такое...

*Не потому тебя не прокляну,
Что адское меня пугает пламя,*

*Что чувствую невнятную вину
За фокусы твои со всеми нами, —
Не поднимаю взгляда к небесам,
Не ожидаю грозного ответа.
Ты не при чём. Ты б не стерпел и сам,
Когда б ты был, когда б ты видел это.*
Н. Гумилев

Игорь мне стихи пересказал эти, а я молитв книжных не знаю. Пусть будет молитвой.

Укол

По следам реально произошедших в разное время событий...

Чайки, истошно вопя, носились над мусорными кучами. Насколько мог видеть глаз, в округе свалка была безлюдна, лишь вдалеке, едва виднеясь, тархтел мусороперерабатывающий заводик. Далеко не новый, но чистенький, сверкающий пурпуром «Плимут» смотрелся здесь неуместно. В машине сидели пять человек – молодой парень со связанными скотчем руками и четверо его конвоиров.

Пассажир на переднем сиденье в белом костюме и пижонской шляпе выстрелил щелчком пальцев в окно недокуренную сигарету и полуобернулся к пленнику:

– И не надейся, Лэри, что твои долги спишутся, если Старик разбился. Как у любого имеющего цену человека, у него остались наследники. Старик был слишком добр к тебе, но не жди от меня такой же сентиментальности, – говорящий, мелкий бандит Готти (однофамилец того самого гангстера), прекрасно знал, что «добряк-старик» сам же и подставил Лэри, как и Лэри однозначно догадывался об этом, но спорить с подобными типами было бесполезно. Готти кивнул бугаям, сидевшим по бокам пленника, и те выволокли его из машины. Они ткнули его носом в горячий, воняющий машинным маслом капот. Под рёбра больно упёрся девятимиллиметровый жёсткий ствол пистолета.

– Если ты такой кретин, что умудрился просрать сорок «тонн» зелени, к тому же, чужих денег, то нечего было и браться за это дело, – орал вышедший из машины и тут же вляпавшийся начищенной лакированной туфлей в собачье дерьмо Готти. Попробовал бы Лэри не взяться за это, (как, впрочем, и за любое другое) предложенное добрым Стариком дело! Нечего и говорить – Лэри был на крючке. Виной всему собственная глупость и дьявольское невезение. И уж совсем не хотелось вспоминать об этом. Готти склонился над ним:

– Не стоило тебе прятаться, Лэри. Для меня отыскать иголку в стоге сена, не сложнее, чем сосчитать десять центов на собственной ладони, – он резко разогнулся и, брызгая слюной, завопил на своих помощников, – да уберите этого придурка с моего автомобиля!

Лэри рванули за волосы и с силой швырнули на покрытую толстым слоем серой пыли землю. Руки у него были связаны спереди, но падение, всё равно, оказалось неудачным и болезненным, две пары армейских ботинок весьма ощутимыми пинками прошлись по его бокам. Готти жестом остановил бандитов, присел рядом с Лэри на корточках:

– Лэри... Лэрион. Кстати, что за дурацкое имя? Польское? Или русское?

Наглотавшийся пыли Лэри с кашлем выпустил себе на рубашку вязкую струю смеси из соплей и крови. «У самого-то имя, как будто, самое лучшее в мире, чёрт тебя подери!». Родители Лэри были выходцами из Сербии, и теперь мирно покоились в американской земле, но это его, Лэри, личное дело. Готти участливо заглянул в его глаза:

– Ладно, Лэри. Деньги ты мне вернёшь. Через два дня. Меня не интересует, где ты будешь их искать. Можешь ограбить банк, например. У тебя есть оружие?.. Не пытайся слинять – найду. Не будет денег, я тебя на ремни порежу, больно и медленно. Лучше уж разойдёмся полюбовно. Просто делай свою работу как следует. Короче, всё в твоих руках, Лэри.

* * * * *

В левой руке Лэри держал фирменный пакет супермаркета «Марло», в котором находились хрустящие зелёные бумажки. Минуту назад две молоденькие кассирши под угрозой оружием сами набили эту сумку деньгами. Посетителей в магазине было немного, и теперь все они лежали на роскошном (гордость «Марло»!) полу торгового зала. Лэри был растерян и очень

испуган. Потому, что в правой руке он держал револьвер, и не просто держал – направил его в лицо вооружённого охранника, который, в свою очередь, держал на мушке Лэри. Это был не просто охранник, и откуда он вообще взялся? («подумать только: супермаркеты «Марло» охранялись полицейскими, как будто последним больше делать нечего!») охранник, не опуская оружия, медленно подходил к Лэри и, стараясь, чтобы голос его был спокойным и уверенным, говорил:

– Лучше брось это, сынок. Нет, револьвер аккуратно положи на пол, а сумку можешь пока и не бросать.

Лэри, всё так же сжимая и то, и другое в руках, отрицательно мотая головой, пятился от него к кассам (девушки-кассиры и толстый пожилой покупатель незаметно отползли за перегородки). Лэри не знал, что предпринять, но прекрасно понимал, что долго такое противостояние продолжаться не может. Что-то должно произойти, может, даже само по себе, уже в следующую секунду. Охранник продолжал опасно двигаться вперед, Лэри уже чувствовал «спинным мозгом» в нескольких сантиметрах за собой высокую стойку с леденцами и жевательной резинкой, стоящую возле кассы. Его указательный палец побелел от напряжения на спусковом крючке. Охранник не переставал что-то говорить, как ему казалось, убедительно, но Лэри уже не слушал его, и не мог ни ответить, ни просто заорать от страха. Тело его словно оцепенело, и только ноги продолжали жить самостоятельной жизнью, скользя микроскопическими шагами вглубь торгового зала. Ноги и указательный палец на спусковом крючке. Сотни маленьких молоточков застучали в голове у Лэри, состояние, очень похожее на то, когда погружаешься в наркоз. Или теряешь сознание.

Когда прогремел выстрел, Лэри поначалу не понял, что произошло. Грохот, вспышка, револьвер будто сам дёрнулся в руке... Мгновение назад Лэри просто смотрел на приближающегося охранника и не мог совладать с собой, сделать что-то осмысленное. Всё, как в глубоком трансе. Затем...

Затем голова человека в форме превратилась в лопнувший красными брызгами шар. Липкие ошметки разлетелись во все стороны, пачкая роскошный пол магазина и одну из кассовых перегородок. На всё это Лэри смотрел как сквозь пелену тумана, сквозь мутную плоскость искривлённого пространства. Он выронил револьвер, и сам чуть не упал, зацепившись за стойку с леденцами и жевательной резинкой, на которую его толкнула отдача от выстрела.

Уже потом навалил гул истеричных воплей, яростных криков, топота ног и воя сирен, доносившихся с улицы. Лэри опустился на колени и уткнулся лицом в фирменный пакет с логотипом «Марло». Несколько скомканных купюр высыпались из него.

* * * * *

– Лэри, ты станешь всего лишь ещё одной из многочисленных спиц в огромном Колесе Смерти. С того момента, как в 1995 году губернатором штата Техас стал Джордж Буш-младший, при помощи смертельной инъекции были казнены уже более 150 человек, а сам «хозяин» не подписал ни одного приговора о помиловании. Почему же ты должен стать исключением? – Гарри Миллер, изнасиловавший и убивший семилетнюю девочку и казнённый в декабре 2000 года, прошёлся по камере.

Лэри сидел на тюремной койке, опустив голову разглядывал свои руки. Приговорённый к смерти, он уже не ждал ответа на прошение о помиловании. Он почти наверняка знал ответ.

Лэри сидел в камере один, но ему было с кем разговаривать, вернее, кого слушать. И всё же слёзы, время от времени, капали на серые брюки. Может, от жалости к себе (именно сострадание себе – самое искреннее от обиды на несправедливость мира, несправедливость, касающаяся тебя лично – самая острая и вопиющая), от бессилия что-либо изменить, вернуть всё назад и на прошлом перекрёстке повернуть в другую сторону... жаль было и того охран-

ника, так не вовремя подвернувшегося, у которого, скорее всего, осталась семья, вдова-жена, может, сироты-дети (почему-то кольцо на руке охранника, обхватившей рукоятку пистолета, отпечаталось в памяти Лэри). В конце концов, от безвыходности и неизбежности.

– Говорят, что это не больно, Лэри, – второй «гость», Тимоти МакВей, самый известный террорист Америки, вышел из тёмного угла, – только врачи всё это. Не заблуждение, нет, а умышленная ложь. Мне вогнали коктейль вот сюда, – МакВей подтянул рукав на правой руке и ткнул пальцем в локтевой сустав, – коктейль называется «Смерть на три счёта». Первый компонент, натрий теопентал, по замыслу изобретателей, должен вызвать потерю сознания и полностью отрубить чувствительность к чему бы то ни было. Этакая гуманность. Второй, бромид, расслабляет мускулатуру и парализует диафрагму. Это уже забота о психическом здоровье палача и свидетелей, дабы им не пришлось наблюдать предсмертных судорог казнённого. Приговорённый должен лежать умиротворённо и смиренно, разве что, не улыбаться во сне. Хотя родственники погибших считали иначе и сокрушались о том, что казнь недостаточно жестока. МакВей усмехнулся, провёл ладонью по ёжику своих рыжеватых волос.

– Мне было 32 года... – продолжал он. – Так вот, третья составная часть процедуры, хлористый калий, приводит к остановке сердца. Всё. Быстро, справедливо, цинично, безупречно отлажено. Но... Яд может попасть в артерию или мышечную ткань и причинить ужасную боль. А если пропорции компонентов инъекции неверно определены и преждевременно начинают взаимодействовать, то может произойти загустение смеси и закупорка вены, и тогда смерть наступает медленно. Не просто медленно, но и мучительно, Лэри, уж мне-то можешь поверить, я прошёл через это. Или, скажем, натрий теопентал не оказывает анестезирующего действия достаточно быстро, человек, оставаясь неподвижным, чувствует удушье в связи с наступлением паралича лёгких. Тоже ощущение не из приятных.

Лэри поднял голову с полными слёз глазами, посмотрел в лицо террориста. МакВей рассказывал, как заправский доктор. Доктор Геббельс, например. «Почему я? Почему всё это случилось со мной, начиная с той вонючей свалки? Даже раньше – со знакомства со Стариком». Плата, за глупость – самая завышенная, самая непомерная. Но и самая справедливая в отношении библейского «воздаяния сторицей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.